

ТАТЬЯНА
ГАРМАШ-
РОФФЕ

ИСКУССТВО

ДЕТЕКТИВА

ЛЕГКОЕ
ДЫХАНИЕ
ЛЖИ

Частный детектив Алексей Кисанов

Татьяна Гармаш-Роффе

Легкое дыхание лжи

«ЭКСМО»

2014

Гармаш-Роффе Т. В.

Легкое дыхание лжи / Т. В. Гармаш-Роффе — «Эксмо»,
2014 — (Частный детектив Алексей Кисанов)

Старший сын детектива Алексея Кисанова Роман приезжает в деревенский дом своего друга. В окне соседнего особняка он видит девушку... А вскоре выясняется: Милу там держит насильно некий «спонсор», обманом заполучивший ее в свои сети. Она просит Романа о помощи. Памятуя методы своего отца-детектива, Роман старается детально и технично продумать план побега, предусмотрев все возможные подводные камни. Однако в ночь побега Мила исчезла. Лишь лужица крови осталась на полу... Что здесь случилось? Куда пропала девушка? Жива ли?! В то же время Роман, осматривая комнату Милы, невольно оставил там свои следы и отпечатки. Он понимает: что бы с ней ни произошло, подозревать теперь станут его! Он скрывается, надеясь разобраться в случившемся и найти девушку, в которую успел влюбиться. Но без помощи Киса ему не обойтись...

© Гармаш-Роффе Т. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Часть 1	6
Кис (Пятница)	6
Роман (Двумя неделями ранее)	8
Девушка в окне	13
Побег (Ночь с четверга на пятницу)	26
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Татьяна Гармаш-Роффе

Легкое дыхание лжи

Все, в том числе и ложь, служит истине. Тени не гасят солнца.
Франц Кафка

*Бывают дни как дни: ровные по настроению, они проходят по
намеченному плану.*

*Бывают дни, когда планы приходится менять на ходу, – что
стресс, раздражение и суета.*

*Но бывают дни, в которые резко переворачивается вся жизнь.
Казалось бы, истина банальна, – но почему-то мы никогда не готовы к
таким дням.*

© Гармаш-Роффе Т. В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Часть 1

Кис (Пятница)

– Кис, как дела? Чем занимаешься?

– С малышкой в зоопарке, – ответил в телефон Алексей Кисанов. – А что? ... Опа, похоже, детки собрались пообщаться с тигром! Подожди, Серег, они через ограду лезут, чертенята!

Чертенята – двойняшки Лиза и Кирюша, – пыхтя и тужась, карабкались на заборчик, отделяющий сетку вольера от неразумных посетителей.

– Та-ак, – Алексей сунул мобильник в карман и ухватил обоих за шкирки, – сейчас будем повторять урок. Что я сказал, когда мы входили в зоопарк?

Он поставил детей на дорожку, присел перед ними, заглядывая в ясные глазки.

– Что... – Лизонька посмотрела на небо, – что звери тут настоящие.

Маленькая хитрюшка, она ведь отлично знает, о чем папа говорит!

– Нельзя подходить к решеткам, – честно и виновато пролепетал Кирюша.

– А вы что сделали?

– Мы к ним не подходили! – обиженно заявила дочка.

– Мы только хотели, – признался Кирюша.

– Только хотели на заборчик встать, чтобы получше видеть! – снова лукавила Лизавета.

– Только хотели, значит? Что ж, мы уходим домой, дети. Зоопарк отменяется.

Он протянул обоим руки.

Кирюша скуксился, готовясь захныкать, а Лиза быстро спрятала ручонки в карманы васильковой летней юбочки, гордо вскинула головку и зашагала впереди папы. Охо-хо, что день грядущий нам готовит. Ей еще четырех нет! Ну и характер, ну точно в Сашку.

Сашка – это Александра, жена. И мама соответственно.

– Кис? – раздался приглушенный голос из кармана.

Упс, Серега все еще на связи, Кис про него забыл.

– Тут.

– Закончил строить мелкоту?

– Более-менее. Так что там у тебя?

– У меня нехорошая новость, Леха. Убийство и ограбление.

Кто бы сомневался. Сергей Громов служит на Петровке, 38, где когда-то служил и Алексей Кисанов, ныне трудящийся на ниве частного сыска. Они до сих пор работали совместно над многими делами, помогая друг другу раскрывать преступления, – так что новости у них всегда нехорошие.

– Это срочно, Серег? Я бы предпочел сначала отвезти малышку домой. Оттуда тебе позво...

– Срочно! – сурово перебил Громов. – Очень.

– Ладно, говори. Только покороче. Неровен час, мои шмакодявки еще чего-нибудь натворят.

– Боюсь, Леха, это твой старшой чего-то натворил.

– То есть?..

– Он отправился в деревню Рыбкино, так?

– Откуда ты знаешь?!

– Там в одном доме убийство и ограбление. А Роман снимал соседний, в областном РУВД установили. Он исчез из деревни в ту же ночь, когда случилось убийство, то есть вчера... Хотя,

может, и не убийство, а похищение: трупа нет. Только следы крови. Никто не знает, куда и почему Роман смылся, но подозрения падают на него. Жертва – девушка, кто-то из деревни видел, как они общались, подробней не могу сказать. На месте преступления остались какие-то генетические следы и отпечатки. Сравнить пока не с чем, – в доме, который он снимал, отпечатков не нашли, а Роман в бегах. Но областному РУВД, которое взялось за это дело, известно, что это твой сын. Он объявлен в розыск. Они хотят с тобой связаться, Леха. Чтобы взять у тебя генетический материал для сравнения. У отца и сына есть много общего в ДНК, ты знаешь...

– Серег, я что-то не соображу никак... Такого не может быть, ты же понимаешь, что не может! Ромка не мог никого убить! И ограбить не мог!

– Лех, опомнись. Это то, что всегда говорят родственники убийц. А в полиции не забыл еще, как к подобным заверениям относятся?

Алексей промолчал. Он знал.

– Короче, Кис, вот что я предлагаю: смойся куда-нибудь, типа в командировку, чтобы потянуть с анализом. А сам ищи сына. Как найдешь – ко мне води. Объясни, что он делает себе только хуже, ударившись в бега... И звони, если что.

Алексей с недоумением посмотрел на затихший телефон.

Что это он услышал? Что за бред? Ромка, он не мог... Нет, чушь какая-то!!!

Он с остервенением нажал на кнопки: безрезультатно. Мобильный сына был выключен.

Роман (Двумя неделями ранее)

Тут пели птицы, цвели цветы. Роман не знал ни одного названия – ни растений, ни пернатых. Городской житель, он, кажется, никогда в деревне и не бывал, а теперь удивлялся. Природа здесь вела себя не робким гостем, застенчиво присевшим на краешек каменного ложа мегаполиса, – нет, здесь она была владычицей. Она царила во всем: в деревьях, травах, птицах, в сочном воздухе и даже в людях. Хорошо-то как!

...Хотя нет, он когда-то жил за городом. На даче. Это было давно, Летом.

Лето – так Роман называл свое раннее детство. Наверное потому, что оно было солнечным. Тогда была веселая и красивая мама и веселый добрый па... Нет, не папа. Просто маленький Роман так думал. Но это был не папа, и однажды он перестал быть добрым. Он выгнал их с мамой из дома. И тогда в жизни Романа началась Зима...¹

Он толкнул старую калитку. Она не открылась – отвалилась. В саду росло что-то невообразимое. Даже дорожка к дому с трудом угадывалась. Не сад, а прерии.

Ступени крикнули под его тяжестью. Развалятся? Нет, обошлось.

Роман вытащил из кармана связку из двух ключей. Андрюха сказал, что большой от нижнего замка, а поменьше – от верхнего... Точно. Повернулись с трудом, заржавели. В этом доме, сказал Андрюха, никто не бывал уже четыре года, с тех пор как бабулю похоронили.

Роман вошел. Здесь холодно – хоть на улице бушует май, загнав градусник под тридцать. И пахнет здесь не так, как снаружи. Сыростью пахнет, плесенью и еще чем-то нерадостным.

Андрюха сказал: дом первым делом протопить. А дрова лежат в «сараяшке».

Пока дом протапливался, Роман обследовал свое временное жилище. В нем имелись две горницы – маленькие две спальни – помимо той большой комнаты, где находилась печь и которую Роман окрестил столовой. Он выбрал ту из горниц, что посветлее, окнами на восток: ему нравилось, когда его будило солнце. Отсыревший перьевой матрас со старой кровати со скрипучими пружинами оттащил к печи: авось к ночи просохнет. Нашел пару одеял, подушку – их тоже к печи отволок, развесил-разложил на стульях. Белье он обнаружил в рассохшемся глухом шифоньере – оно было чистым и глаженным, еще бабулей Андрюхиной, видимо. Подумавав, он вынес простыни в сад, повесил на ветки дерева с нежными белыми цветами: пусть ткань воздухом пропитается.

Роман умел справляться с бытом – с бедным бытом. Он много лет жил в нем, с тех пор, как закончилось его детство-Лето, и многому научился. Тем более вышло так, что мама о нем не заботилась, это он заботился о маме...

Он сходил в местный магазин, купил сахар, соль, спички (те, что нашлись в доме, совсем отсырели, и печь пришлось разжигать зажигалкой), несколько лампочек и немного еды. Кое-что он привез с собой, так что быт вполне налаживался. Вернувшись из магазина, он перекусил, вскипятив на печке старый эмалированный чайник, затем вымыл горницу. Разложил на столе учебники. Ну вот, его «отшельническая келья» готова. Можно приступать к штудированию науки под названием «психология». Он для этого в деревню и подался, собственно.

Но безудержно хотелось выйти вон из мрачного дома – туда, в сияние мая, во владения природы, в буйство запаха и света. *Надо починить калитку*, удачно вспомнил он. И вышел в сад.

¹ См. роман Т. Гармаш-Роффе «Расколотый мир», издательство «Эксмо».

До этой самой поры своей жизни, до двадцати с малым лет, Роман занимался ремеслом рукодельным. А точнее, был он великим мастером по ремонту машин. Хотя, если вдуматься, не в руках заключался его талант, а в умении слышать механизм. Его жалобы, боли, недомогания. В силу чего он сумел стать чудо-лекарем для своих железных пациентов.

Но Роман умел и с другими вещами разговаривать: с детства привык чинить все, что есть в доме. Хромой стул и электропроводку, телефон и газовую колонку... Не на кого было маленькому Ромке полагаться – вот и научился. Так что калитке пришлось быстро уступить его умным рукам и повести себя правильно: встать на свое место.

После чего Роман решил, что заслужил небольшой перерыв, и уселся на ступеньку с банкой пива. Он не употреблял спиртного (из-за мамы, спившейся от горя...), но пиво ему не казалось алкоголем – так, чуть крепче кефира, по крайней мере, если не пить больше одной банки зараз.

Ступенька снова закричала, и Роман сказал ей: ладно, тебя тоже подправлю. Попозже.

Он сидел, жадно вдыхая необыкновенный воздух, на котором была настояна деревня, как водка на кореньях, и ни о чем не думал.

Послеполуденное солнце изрядно напекло голову и лицо. Роман очнулся. С его светлой кожей он уже наверняка обгорел, черт. Пора в дом.

Неожиданно слева что-то ярко вспыхнуло. Он повернул голову. На верхнем этаже соседнего дома, здорового кирпичного особняка, распахнулось окно, отправив солнечный зайчик в его сторону.

В проеме показалась девушка. Длинные светлые волосы, хорошенькая вроде бы, насколько можно разглядеть.

Она с наслаждением потянулась, затем подставила лицо солнцу, зажмурившись.

У Романа появилось чувство, что он подсматривает. Он быстро вскочил на ноги и ушел в дом. Проходя мимо горенки, не удержался, глянул в окно: соседка все еще стояла, подняв лицо к светилу. Вот и хорошо, она его не заметила.

Роман сел за стол и открыл учебник.

Он работал в автосервисе давно, с пятнадцати лет, – работал много и с удовольствием. И доход имел от своего ремесла приличный. И вот вдруг показалось ему, что рукодельную работу он перерос, что мозгами теперь хочется поработать.

Да не так уж и «вдруг» на самом деле. Несколько лет назад Роман решил взяться за чтение женских журналов. Решение то было неспроста – если по-научному, его вполне можно назвать «маркетинговым». А проще говоря, он, будучи юношей застенчивым, легко краснеющим (что при его светлой коже немедленно становилось очевидным), хотел научиться общаться с клиентками-женщинами, которых все больше прибывало в автосервис. И принялся штудировать статьи, где говорилось о том, что нравится женщинам, что для них важно, с сугубо практической целью понять, как поддержать с ними беседу. Чтение помогло: он стал обращать внимание на одежду, которая до сих пор была ему совершенно безразлична; он стал разбираться в моде и стилях; и, главное, он научился делать комплименты. Какие, мол, туфли у вас обалденные и сумочка зашибенная. После чего Роман стал едва ли не самым востребованным мастером в своем автосервисе. Комплименты – двигатель торговли, ха.

Незаметно для себя Роман принялся читать и статьи по психологии, которые водились в дамских журналах, – и хоть специалистом в данном деле он отнюдь не являлся, но нередко чувствовал: бредятина! Непрофессионально написанные непрофессионалами статьи.

Так и вышло, что Роман подписался на серьезный журнал по психологии. И все больше увлекался этой наукой. Впрочем, «наукой» психологию можно назвать лишь с натяжкой: зави-

ральных теорий в ней тьма. И не существует критерия проверки на «завиральность». Только один, но тоже не научный: чувствовать людей.

А Роман вдруг обнаружил, что он их чувствует. Так, как он чувствовал вещи. Просто раньше его ощущения были аморфны, безо всяких «отчего-почему», – теперь же, благодаря прочитанному, он стал видеть не только эмоции людей, но и понимать их тайные истоки.

Это было увлекательно.

И решил Роман поучиться на психолога. Правда, что с этой наукой он станет делать в будущем, не представлял. Кабинетным ученым он себя не видел, а практикующим психологом, как Лана...

Лана была клиенткой, подругой и его добровольным психоаналитиком. Еще она стала его первой женщиной – она сама настояла, успокоив Романа обещанием, что их близость не выльется в отношения иного рода.

Лана не обманула: все осталось между ними по-прежнему. Зачем она настояла на близости, он не знал. Она красивая, сексапильная, независимая, поклонников у нее тьма. Роман не нужен был ей ни поклонником, ни любовником. Иногда он думал, что Лана просто хотела помочь ему преодолеть жуткую застенчивость... Или, наоборот, ее это забавляло? Не слишком лестно для мужского самолюбия, сказать по правде, но она лет на десять старше и психолог, роль наставницы ей шла. Если даже и так, Роман ей благодарен. За все: за ее психологические беседы, за первый сексуальный опыт.

Роман задавал ей этот вопрос не раз – все-таки первая женщина в его жизни, огромный эмоциональный шок (прекрасный шок, что греха таить...), и он пытался дать какое-то определение этим отношениям.

Лана отшучивалась, назначая ему все новые и новые свидания. И только спустя несколько месяцев после начала этих неопределимых отношений Лана заявила, что он «излечился» и она готова ответить на его вопрос.

– Излечился от чего? – спросил он.

– От чернухи, – она ласково потрепала его по волосам и поднялась с кровати. – Пойдем на кухню, поговорим. Тебе налить вина?

– Пиво. У тебя есть?

– А как же, – засмеялась она, надевая пеньюар. – Пошли.

Она достала несколько банок, но Роман взял только одну и попросил убрать остальные. Лана понимающе кивнула: она знала – единственная из всех друзей и знакомых! – про его детство-Лето. И про детство-Зиму тоже знала...

– *Чернуха*? – спросил он, открыв банку.

– В детстве ты видел отца-тирана – он был тираном даже в ту пору, когда у родителей все еще шло неплохо, так? Он поднимал руку на твою мать, когда они ссорились, хоть и редко. Потом он узнал, что тебе не отец, и стал избивать мать регулярно. Чуть позже просто выгнал вас из дома. Хорошая картинка?

– Ну что ты задаешь дурацкий вопрос!

– Он не дурацкий. Это картинка, которая наложилась на твое восприятие отношений мужчины и женщины: насилие. Дальше: вы с мамой мыкались в бедности, ты пошел работать с малолетства, чтобы хоть как-то выжить, а твоя мама...

– Осторожнее, Лана.

– Я ничего плохого не собиралась сказать, Рома. Она любила твоего отца. Слишком любила, слишком много вложила в это чувство. И ты знаешь, чем ее любовь закончилась...

Он знал. Мама запила. Потом умерла от цирроза.

Он все время сравнивал Лану с мамой, против собственной воли. Казалось, эти женщины родились на разных планетах: мама терпела боль, унижения и при этом преданно любила своего мучителя. А Лана устраивала свою жизнь, как ей хотелось и нравилось, без оглядки на чужие суждения. Мужчины ее боготворили – Лана сумела заставить себя уважать. А почему Ася, мама, не сумела? Почему рабски целовала занесенную над нею руку?

Была ли она мазохисткой? Любила ли она, когда ей причиняют боль? Или она относилась к тому поколению женщин, которых вырастили в рамках сознания, что мужчина – хозяин? И бьет – значит, любит?

Ему становилось душно от одной этой мысли. Так душно, что хотелось рвать воротник, бежать на свежий воздух – отдышаться. В истории человечества много несправедливых и дурных вещей, но ведь тогда уже двадцатый век заканчивался – совсем другой век, с другими идеями! О ценности человеческой жизни, о неприкосновенности личности, о равенстве полов, о... Как мог этот скот, задержавшийся в развитии на уровне пещерного века, поднять руку на его маму? Как могла мама сносить это?!

Он не понимал. Не понимал, нет!

Но ему приходилось с этим жить. С его запоздавшей во времени жаждой, с запоздавшей возможностью защитить мать. Он зарабатывал деньги изо всех сил, надеясь с их помощью сделать жизнь мамы если не счастливой, то хотя бы приятной, комфортной...

Но он опоздал. Алкоголь убил ее.

Или ее убила эта странная любовь?

Лана будто прочитала его мысли. Собственно, почему «будто»? Она хороший психолог, она знала, о чем он думает.

– Тебе обязательно нужно было убедиться на собственном опыте, что любовь – это не подчинение одного человека другим, а совместная радость. Секс – это совместное наслаждение, а не повинность или стыд. Но я не знала, кто станет твоей первой женщиной и не испортит ли она тебе твой первый опыт. Поэтому ею стала я. И я тебе хороший опыт дала, мой дружочек. Теперь ты знаешь, как это должно быть. И я тебе больше не нужна.

– Нужна!!!

Роману было хорошо с Ланой, он не хотел с ней расставаться...

– Ты стал привязываться ко мне, Ромка. Как мужчина, я имею в виду... А это уже лишнее. У нас с тобой нет никаких перспектив для хеппи-энда. Мне за тридцать, пора подумать о семье. Надеюсь, ты не собираешься делать мне предложение? – засмеялась она и тут же спохватилась: видимо, выражение его лица ее напрягло. – Во всяком случае, я за тебя замуж точно не собираюсь, – твердо произнесла она. – Я на двенадцать лет тебя старше. Ты очень славный, я тебя нежно люблю, но...

– Останемся друзьями? – улыбнулся Роман.

Что-то внутри у него ныло и саднило – он действительно привязался к Лане как мужчина, не только как друг. Но он понимал, что она права. И надо принимать ее правоту достойно.

– Конечно, мой хороший. У тебя будут другие женщины, больше подходящие тебе по возрасту. – Лана обошла столик, обняла его, поцеловала в макушку.

Оказалось, это была их последняя ночь.

Но дружбу они сохранили. И, само собой, на решение Романа изучать психологию Лана тоже невольно повлияла.

...Что он будет делать, получив диплом психолога, Роман не знал. Но от поступления в вуз (предстоящего) до диплома еще о-го-го, – в конце концов, он начнет учиться, а там видно будет. Не понравится – бросит. Работу он не оставит: поступать Роман собрался на заочно-вечернее отделение. Зарабатывать-то на жизнь надо. Отец (настоящий отец, которого Рома

не так давно нашел) сказал, едва услышав о его планах: я тебе помогу материально! Ну уж фигушки, Роман себя сам содержит с детства, и мать содержал, пока была жива. На шею он не станет садиться даже любящему папе. Или, правильнее сказать, зависеть финансово. В общем, как ни назови, а независимость дороже.

А пока что надо готовиться к экзаменам...

Девушка в окне

В последующие дни Роман не раз замечал в том же окне девушку, но упорно делал вид, что не видит. Направляясь в сельский магазин, он рассмотрел повнимательнее дом за высоким забором: куб из красного кирпича с жестяной крышей, слепившей на солнце; глухие металлические ворота с камерой видеонаблюдения. Никто оттуда никогда не выходил и никто не входил, по крайней мере в те моменты, когда Роман оказывался рядом. Со двора не доносился шум – если бы он не увидел девушку в окне, решил бы, что дом необитаем.

Что-то странное было в этом. Девушка, насколько позволяло рассмотреть расстояние (разделяло их метров пятьдесят, около десяти до забора и все сорок с той стороны), весьма миловидна, а живет одна, будто отшельница... Ни веселых молодежных вечеринок, ни хотя бы родительских заездов на дачу... Может, она, как и он, уединилась здесь для подготовки к экзаменам?

Заинтригованный, Роман решил последить за домом более пристально. Он обнаружил, что в окне отшельницы вечером зажигался неяркий свет, будто от настольной лампы, и гас около полуночи. Возможно, в этой комнате девушка только занимается? А потом спускается вниз, смотрит телевизор или слушает музыку, или болтает с друзьями через Интернет... Высокий забор не позволял ему увидеть два нижних этажа, но все верхние окна были постоянно закрыты ставнями (кроме комнаты его таинственной соседки, которая закрывала их лишь на ночь), отчего дом казался необитаемым...

Обнаружилось и еще кое-что любопытное: в девять вечера из ворот выходили двое мужчин, и двое входили. Позже выяснилось, что точно такая же смена караула происходит в девять утра. Они охраняют дом?

Или девушку?

После нескольких дней наблюдений, вконец заинтригованный, Роман дождался, когда она появится в окне. На этот раз он не стал прятаться – напротив, поднялся на свое крыльцо и помахал ей.

Девушка помахала ему в ответ.

– Как тебя зовут? – что есть мочи прокричал он, приставив ко рту ладони рупором.

Девушка вдруг всплеснула руками, затем резким движением приложила палец к губам и быстро закрыла окно, оглядываясь куда-то назад. Стекла сверкали на солнце, и ничего за ними разглядеть уже было нельзя. Роман постоял на крыльце, немного подождал и пошел в дом.

Наука, однако, его теперь занимала куда меньше, чем загадочная девушка. Окошко горенки выходило как раз на кирпичного уродца, и Роман не столько читал учебник, сколько ждал: появится ли незнакомка снова в проеме окна наверху?

Она появилась часа через два. И явно высматривала Романа в саду Андрюхиной бабушки. Он выскочил на крыльцо.

Девушка, увидев его, снова приложила палец к губам, призывая его к молчанию. Затем жестами, покручивая кулачками у глаз, дала ему понять, что ему нужно обзавестись биноклем.

Роман, уже до предела увлеченный тайной, смотался в Москву, купил бинокль и вернулся в деревню уже затемно. Пришлось ждать следующего дня, хотя нетерпение в нем булькало кипятком.

Он проснулся рано и принялся караулить окно незнакомки, настраивая бинокль. Наконец оно распахнулось. Роман подкорректировал фокус...

Девушка была действительно хороша собой. Русые прямые волосы немного ниже плеч, светло-серые лучистые глаза, изящные черты лица: узкая переносица, нежная линия рта.

Не то чтоб он подумал – скорее, почувствовал, будто что-то внутри радостно толкнулось: она, девушка эта, одной с ним крови, одной породы!

От матери Роман унаследовал утонченную внешность, и это оказалось, как ни странно, проблемой. Клиентки-женщины часто говорили, что ему не идет профессия автомеханика, что скорее его можно принять за поэта. А мужчины, случалось, намекали, что он голубой. Роман занимался в спортзале, и его тело приняло нужные очертания – но не лицо. Оно оставалось по-прежнему утонченным.

Впрочем, девушкам он нравился. Беда, однако, заключалась в том, что многие девичьи лица, сами по себе хорошенькие, рядом с ним смотрелись грубо или вульгарно. Роман страдал из-за этого, девушки тоже. Отразившись вдвоем в зеркале единожды, они впредь избегали приближаться к зеркалам ближе чем на пятьдесят метров. Но кроме зеркал существуют взгляды, и они отсылали им тот же приговор: не подходите вы друг другу, ребята...

А эта, на которую он смотрел в бинокль, – казалось, она была выписана тем же художником, что и Роман.

Он медленно, почти с опаской, опустил бинокль пониже. Округлые плечи с лямками голубого летнего сарафана... Кости не торчат, повезло. Еще чуть ниже... А вот и две вполне приятные выпуклости, не слишком строго прикрытые тканью сарафанного декольте... Да, повезло: она не худая. Роман не любил худых девушек – они казались ему нездоровыми. И он знал, откуда это. Из-за мамы. Когда она стала худой, она стала больной. Или наоборот. С тех пор Роман считал идеальной фигуру, конечно, стройную, но округлую. Таковую фигуру, как была у его мамы раньше, когда в жизни царил Лето. Когда она была здорова...

Комплекс у него или что, – но его тестостерон реагировал только на этот тип женщин.

Роману пришлось вдохнуть-выдохнуть, прежде чем он сумел сосредоточиться и перевести бинокль на лист бумаги, который держала в руках незнакомка.

На нем красным фломастером, крупными печатными буквами было написано: Я МИЛА. МЕНЯ ПОХИТИЛИ И ДЕРЖАТ ВЗАПЕРТИ!!! ПОМОГИ МНЕ!!!

Ну что ж, так он и думал. А что, собственно, еще думать, когда девушка боится, что ее услышат?

У нее бинокля не имелось, – иначе б она принесла его к окну. Да и откуда, если ее держат взаперти... Роман вспомнил детский язык жестов – когда с помощью пальцев и рта, служившего вспомогательным элементом в некоторых буквах, составлялись слова – и показал ей: «Я РОМАН. КТО ТЕБЯ ПОХИТИЛ?»

Мила вглядывалась в его жесты, пару раз знаками просила повторить – то ли не очень хорошо понимала этот язык, то ли не слишком внятно видела – и наконец кивнула. Она отошла от окна, но не закрыла его и вскоре вернулась с новым листком: «ОДНА СВОЛОЧЬ. НАЛОЖНИЦЕЙ ХОЧЕТ МЕНЯ СДЕЛАТЬ».

– КАК? – спросил Роман и тут же понял, что вопрос его будет неверно истолкован. Потому поспешил, делая новые знаки. – КАК Я МОГУ ПОМОЧЬ?

Мила снова отошла от окна – Роман ждал. Он знал, что она пишет ответ.

– ПОМОЧЬ СБЕЖАТЬ ОТСЮДА, – выставила Мила в окошко новый лист.

У Романа не было листов формата А4 – у него были только общие тетради. А на тетрадной странице крупно не напишешь... Подумав, он сделал знак Миле – мол, подожди – и принялся писать большими буквами, жирно штрихуя их элементы ручкой – фломастера у него не имелось.

– ТАК, – выставил Роман первый листок, – НЕЛЬЗЯ, – выставил он второй, – ОБЩАТЬСЯ, – показал ей третий. – ПОЗВОНИ МНЕ.

На последнем листке был его номер.

Мила качала головой. Потом написала: Я НЕ МОГУ ПРОЧИТАТЬ ТЕКСТ, СЛИШКОМ ДАЛЕКО.

Роман достал свой мобильный, покачал им в воздухе. Мила развела руками: У МЕНЯ НЕТ.

Он подумал еще чуть-чуть и показал ей знаками: ЗАВТРА.

Нерв. Это то, благодаря чему ты чувствуешь боль – или удовлетворение. Чувствуешь, что живешь. Может, это неточно в медицинском смысле, но Роману слово казалось подходящим для измерения отношений: в одних был нерв, в других нет.

В общем-то, по большому счету, до сих пор его не было. Он вроде бы влюблялся, ухаживал, надеялся, что отношения с девушкой продлятся... Но в них не было нерва. Сходясь, он не чувствовал полноты счастья; расставаясь, он не чувствовал боли.

И вот сейчас впервые он ощутил этот нерв, напряженный до предела. Оголенный, почти болезненный: спасти Милу!

Возможно, его странное детство, несчастливое и трудное, приучило его к экстремальным ощущениям? На фоне которых нормальные человеческие отношения казались пресными? Так альпинист не может жить без гор – без опасных гор, где нечем дышать, где за каждым выступом скалы подстерегает смерть?

Возможно.

Но именно сейчас Роман дышал полной грудью и каждой клеткой тела ощущал жизнь.

Он быстро собрался и завел машину: в деревенском магазине листов для принтера не продавали, фломастеров тоже – придется за ними ехать в ближайший город.

Хотя это, конечно, все равно не общение. У Милы нет бинокля – придется писать по одной огромной букве на листе. На каждое слово уйдет несколько минут, на предложение – с десятков. А потом она пойдет писать ему ответ... Таким способом они сумеют обменяться лишь парой предложений в час!

А он должен узнать многое, чтобы Миле помочь. Тем более что он очень хочет ей помочь. И... Кажется, у него есть идея получше, чем обмен буквами!

Роман взял направление на Москву.

На этот раз пробки его не раздражали: он время не терял, делал поиск в Интернете через смартфон. Когда он добрался до города, рабочий день магазинов, даже в Интернете, закончился, зато он нашел то, что хотел.

Роман переночевал в своей квартире, с утра пораньше сделал покупки на сайтах и поехал за ними самолично – самовывоз называется. Дешевле и, главное, скорее. Правда, все равно полдня ушло. С другой стороны, если б он делал покупки не через Интернет, ища нужные вещи с заданными в поиске параметрами, а объезжал бы магазины, то у него дня три бы на все ушло! Так что спасибо тебе, Мировая паутина.

В деревню он вернулся к восьми вечера. Милы в окошке не было – но это даже к лучшему: Роману нужно сначала потренироваться.

Он вынес из машины объемистую сумку, достал из нее красочную коробку, разрезал пластиковые ленты. Затем бережно вытащил из коробки вертолет. Заправил пульт дистанционного управления батарейками.

ДРОН! Ладно, пусть это лишь его младший брат, радиоуправляемый вертолет, но он поработает в почти боевых условиях. Главное сейчас – научиться его пилотировать.

И Роман, положив инструкцию перед глазами на ступеньку крыльца, – уже отремонтированную, к слову, – принялся осторожно нажимать на кнопки пульта.

Вертолет оказался послушным. Собственно, он такой и искал в долгие пробочные часы, читая характеристики каждой игрушки. С ценой Роман не считался: тут ведь надо девушку спасать, на таком нельзя экономить. Основными параметрами, по которым Роман выбирал покупку, были как раз стабильность, легкость управления машиной (одно с другим связано, как он понял) и дальность полета. Продавались куда более дешевые модели, но они запускались только в радиусе десяти метров. А ему нужно хотя бы шестьдесят...

И он нашел такую модель. Теперь изучал ее в действии, тренируясь в управлении дроном. В характеристиках вертолета писали, что он не издает шума, однако это не совсем соответствовало действительности. Шум был. Не очень громкий, но... В доме есть охрана. Если мужики сидят внутри, то, пожалуй, шум не услышат. А вот если снаружи... По такой-то дивной погодке это очень даже вероятно...

Роман задумался. Рискнуть? Или найти способ подстраховаться?

Риск, говорят, дело благородное, но шансы пятьдесят на пятьдесят, как в любом риске. Если он «благородное дело» провалит, то Миле помочь уже вряд ли сумеет. Значит, лучше подстраховаться.

Над этой задачей Роман размышлял еще минут пять. И придумал. В деревне полно собак – вот они ему и сослужат службу.

Мила выглянула в окошко спустя полтора часа. Солнце клонилось к горизонту, и девушка стояла в его розовых лучах, как... Ну, как что-то волшебное. Или это у него в груди стало волшебным.

Роман показал ей жестами: ЖДИ. А сам выскочил на улицу и, пригибаясь пониже заборов, пробежал два дома, кинул подобранный на дороге камень во двор третьего. Там обитали две псины, которые не замедлили залиться лаем. Роман знал, что через несколько секунд его подхватят все деревенские собаченции, но для верности кинул камень и на следующий участок. Когда он вернулся к себе во двор, так же пригибаясь, деревня голосила нестройным собачьим хором.

Он схватил свой «дрон», прикрепил к нему мобильный телефон – самый маленький, какой только смог найти, самый легкий, – и запустил его через забор. Собачий хор утопил в своих руладах звук вертолетного винта. Не прошло и минуты, как вертолет сел на подоконник Милы и затих, послушный дистанционному пульта.

Даже с такого расстояния Роман видел, как она изумлена. Он положил пульт, взял в руки бинокль. Да, она была изумлена и... И явно не понимала, что ей делать с вертолетом.

Роман показал жестами: ПОДНИМИ ЕГО.

Мила подняла. И увидела под брюхом вертолета махонький мобильный. Она отцепила телефончик и торжествующе покрутила в руке, показывая Роману: нашла!

Ага, вот она увидела и приклеенную к нему скотчем записку с его номером... Читает... Нажимает на кнопку телефона...

Через несколько секунд сотовый Романа зазвонил.

– Ну, здравствуй, – произнес он.

– Это ты круто придумал! – восхищенно выдохнула она в трубку.

Роману страшно не хотелось прерывать только начавшийся разговор, но вертолет следовало вернуть к себе, и ему пришлось, попросив Милу подождать минутку, повторить операцию.

– Вот теперь рассказывай, – произнес он, запыхавшись от бега.

Часто оглядываясь назад, Мила говорила тихо, но все же различимо, и Роман, слушая ее нежный печальный голос, узнал наконец, что с девушкой приключилось.

...Родом из Вологды, она приняла участие в интернет-конкурсе на лучшую фотографию для обложки модного мужского журнала – и победила. Ее пригласили в Москву на фотосессию.

Сессия получилась очень удачной, Милу утвердили окончательно. Спонсор журнала пригласил ее в ресторан отпраздновать.

Юная провинциалка, выросшая с мамой и бабушкой, Мила и заподозрить не могла, что согласие поужинать означает нечто большее, чем согласие на совместный прием пищи. Спонсор вел себя галантно, они даже потанцевали. Мила видела, что ему нравилась, но что с того? Парни на нее всегда засматривались, неудивительно. После ужина спонсор посадил Милу в свою машину, чтобы доставить ее в гостиницу, и вдруг...

Когда Мила поняла, что в гостиницу ее везти не собираются, она принялась колотить шофера и требовать, чтобы тот остановил машину. Спонсор оттащил ее от своего водителя, и тогда Мила попыталась открыть на ходу дверцу автомобиля и крикнуть на всю улицу «помогите!».

И тут спонсор ударил ее по лицу. А потом...

Роман уже не слышал, что «потом». Перед глазами его взлетала мощная мужская рука, а затем с силой опускалась на светлое лицо мамы...

Он с трудом восстановил дыхание.

– Извини, Мила, я не расслышал. Что было потом?

...Потом спонсор велел шоферу изменить направление. Как Мила поняла, сначала он собирался везти ее в квартиру в городе, а теперь дал задание ехать за город... Так она в этом доме и оказалась. Спонсор улетал на следующий день по делам за границу на две недели, а Миле сказал, что придется ей посидеть тут до его возвращения. Будет, мол, у нее время поразмыслить о своем будущем и о том, что за все надо платить...

– Ой, ко мне охранник идет, – шепнула Мила и отключилась.

Она быстро закрыла окно, и в стеклах тревожно растеклось красным закатное солнце.

Больше Мила в этот день не позвонила, а Роман ей – не отважился: мало ли, вдруг охранники рядом.

Ночь он провел почти без сна, перебирая мысли и идеи.

Надо купить ей маленький бинокль, думал он. Чтоб она тоже могла его видеть... Роман надеялся, что понравится Миле – они ведь одной крови. К тому же у него глаза немного разные – один просто карий, второй каре-зеленый, и это придавало ему *чертовщинку*, как говорили девушки.

Хотя Мила если бы заинтересовалась своим соседом, то сама бы уже попросила купить для нее бинокль, разве нет? С другой стороны, ее похитил какой-то козел и держит взаперти, под охраной, – девушке сейчас не до соседа, понятно: она думает только о том, как спастись!

Собственно, это ведь сделать проще простого теперь, когда у нее есть телефон: надо просто позвонить в полицию! Даже странно, что ни она, ни он до сих пор не подумали об этом. Завтра Роман ей скажет.

Ему стало немного грустно при мысли, что полиция освободит Милу, и, как знать, вдруг он ее больше никогда не увидит... Но, может, она придет к нему, чтобы сказать спасибо, и они познакомятся... Он предложит отвезти ее в Москву, пригласит к себе выпить чаю или кофе... или пива... И они засидятся до темноты...

Тут мысли его потекли совсем в другом направлении. И спать не давали до рассвета.

А рано утром его разбудил звонок от Милы.

– Они в такое время ко мне не заходят, считают, что я сплю... – пояснила она. – Вот я и решила тебе позвонить, пока тут спокойно... Я тебя не разбудила?

– Нет, – бодро соврал Роман.

Да и почти не соврал, в общем-то: радость слышать нежный голос Милы вполне компенсировала недосып. Он посмотрел в окошко своей горницы: девушка, как повелось, стояла у распахнутого окна, ее светлый силуэт будто мерцал в голубой тени.

– Знаешь, о чем я подумала? Если бы ты мог купить бинокль для меня тоже и переправить его с вертолетом...

Кажется, у Романа немножко закружилась голова.

– ...Я бы тогда смогла тоже тебя видеть... – застенчиво закончила фразу Мила.

Роман подумал, что она, наверное, покраснела. Они ведь похожи, а он всегда легко заливался румянцем, когда смущался... Он схватил бинокль, навел его на Милу. Вряд ли она может разглядеть Романа через стекло его окна, и сейчас он не стеснялся того, что подсматривает за девушкой.

Да, ее щеки были розовыми. Они одной крови, он не ошибся! Если б он мог, сейчас бы он самого себя прицепил к дрону и полетел к ней...

– Ты смотришь на меня сейчас, да? – неожиданно спросила она.

– Да.

– Я тоже хочу посмотреть на тебя...

Роман с трудом сдерживал свое участвовавшее дыхание, чтобы Мила не услышала его в трубку.

– Мила... ты не подумай, что я против, – я «за», мигом смотаюсь и куплю тебе бинокль, через несколько часов он уже будет у тебя. Но... Сейчас надо думать о твоём спасении.

– Мы будем думать, конечно! Разве бинокль нам мешает?

– Нет. Дело не в нем... Нельзя терять время, Мил. Надо полицию вызывать. У тебя теперь есть телефон – звони! Они приедут и тебя вызволят из плена!

– Полиция? – удивилась Мила.

– Ну да.

– А как я докажу, что меня держат в плену?

– Ну, в доме же охранники!

– Они скажут, что я тут по своей воле... А они охраняют дом от грабителей. И как я докажу-то? Мое слово – против их слова. К тому же мне придется рассказывать, как я согласилась пойти со спонсором в ресторан... Думаешь, они поверят, что я не ожидала подобного финала нашего ужина? В полиции работают циничные люди. В лучшем случае они скажут, что я дура и сама виновата, а в худшем – что я путана!

– Тогда...

Роман хотел сказать, что его отец – частный детектив и у него связи на Петровке, где он сам служил когда-то, и к показаниям Романа там прислушаются! Но вовремя поймал себя за язык: все, что он может засвидетельствовать, он знает лишь со слов Милы. Если не поверят ей, то не поверят и Роману. По большому счету, ему следовало побольше разузнать у Милы, хотя бы фамилии спросить, ее и спонсора... Если к отцу обращаться, он ведь потребует информацию... Но сейчас, в таких условиях – экстремальных, строго говоря, – сейчас нет времени на лишние расспросы.

– Тогда? – Мила ждала от него продолжения.

– Ты скажешь... – очнулся Роман. – Скажешь так: пусть охранники, в присутствии полицейских, дадут тебе выйти из дома. Если они воспротивятся, то сразу все станет ясно.

– А если нет? Они же не идиоты... Я выйду за ворота, полиция уедет, успокоенная, а охранники меня тут же догонят и затащат обратно в дом!

– Нет! Я буду ждать тебя на своей машине у ворот. Они не успеют опомниться, как мы уже исчезнем из виду.

– Рома... Можно я буду тебя называть так? Рома, они запомнят номер твоей машины. Потом тебя найдут. И знаешь что с тобой сделают? Это же бандиты!

В голосе ее послышался сдавленный всхлип.

– Не плачь...

– Они тебя покалечат, будут пытать, где я прячусь! Они могут тебя даже убить! Мне ведь нельзя обратно в гостиницу: спонсор сам ее заказывал. Придется уехать из Москвы... Но куда? Этому гаду, спонсору, известен и мой домашний адрес в Вологде! Я даже домой уехать не смогу! Придется где-то прятаться, понимаешь? И они станут тебя пытать...

Она всхлипывала, уже не скрывая слез.

– Мила, не плачь, прошу тебя... Мы что-нибудь придумаем... Дай мне только время, ладно? Я обязательно найду выход, слышишь?

– Я тебе верю... Купи мне бинокль, я хочу увидеть твоё лицо... Ты такой славный, добрый... – и она улыбнулась сквозь слезы.

Добрый. Люди бывают добрыми от природы и/или в силу своего мировоззрения. При чем одно без другого обычно плохо получается. Генетический добряк, если у него нет четких представлений о добре и зле, может много дурного натворить. Роман знал это не понаслышке, не только наблюдая за другими, – нет, он сам много дурного сделал. Хотя по природе добр и тактичен – в мать.

Но и тот, кто держит идеи добра и зла только в уме, пусть даже очень внятные и красивые, будет постоянно причинять боль ближнему, поскольку чувствовать ее, чужую боль, не умеет, и сострадания в его природе не заложено. Он, со своими прекрасными идеями, как слон в посудной лавке, крушит вокруг себя хрупкую материю чужих чувств. Хорошо, если не судеб...

Роман много размышлял на эту тему в последние годы. Он много читал, восполнив пробелы прогулянной школы, – но читал не так, как школьники, не по принуждению. Нет, он искал ответы на свои вопросы и потому находил их в русской литературе, формируя свое мировоззрение.

От русской литературы Роман перешел к зарубежной классике, – она хоть и меньше задавалась вопросами добра и зла (точнее, эти вопросы были не в тексте, а будто за его пределами), – но давала перспективу в понимании душ и человеческих отношений. Позже он попытался почитать философские труды, но не увлекся: ему показалось, что люди накручивают нездоровое лишнее на, в общем-то, довольно простые вещи. А уж когда он взялся за китов психологии, так и вовсе расстроился: этих психологов самих лечить надо!

Тем не менее какие-то идеи, мысли из прочитанного запали в его сознание – как кирпичики, из которых он постепенно выстраивал мировоззрение собственное. И потихоньку его природная доброта стала приобретать структуру, стала сознательным выбором. Сегодняшний Роман никак не мог бы совершить тот акт мести, жестокий и безмозглый, который совершил Роман тогдашний...

Ему хотелось поделиться этими мыслями с Милой. Роман не сомневался: она все поймет. Ведь она одной с ним породы... А разделить свои мысли с близкими людьми – это удовольствие особенное.

И оно у него еще будет. Обязательно!

– Я куплю тебе бинокль, Мила. К вечеру он будет у тебя. А пока мне нужна информация о твоих охранниках. Они меняются каждые двенадцать часов?

– Да, кажется...

– Где они сидят? Делают ли обход территории? Есть ли во дворе собаки? Я ни разу не слышал лая, даже когда разбрехались все деревенские псы, – но хорошо выдрессированные сторожевые не лают без команды... Камеры наблюдения имеются? Что они охватывают, какой у них обзор?

– Ой, боюсь, я ничего не знаю...

– Мы вот как сделаем: я напишу тебе вопросы на листке, чтобы ты не забыла, и переправлю его тебе с дроном.

– Дроном?

– Ну да, с вертолетом. Он у нас с тобой... – Роман чуть запнулся, смакуя эти слова: *у нас с тобой*... – служит дроном. Беспилотным дистанционно управляемым летательным аппаратом то есть. И шпионом, если хочешь, – усмехнулся он. – А ты постарайся разузнать ответы на эти вопросы. Позвони мне, когда разведает. Или лучше напиши информацию на моем листке и переправь с...

– Дроном! – улыбнулась Мила. – Прямо шпионский детектив!

– Когда эта скотина-спонсор возвращается? Точно можешь сказать?

– Через четыре дня...

– Как *четыре*?! Ты говорила о двух неделях!

– Да, он уехал на две недели... Но только это было десять дней тому назад...

Четыре дня! Сегодня среда. Значит, он вернется в воскресенье. А возможно, и раньше. Люди часто округляют большие сроки: дюжину дней до двух недель, пару дюжин – до месяца... Так что спонсор может появиться и в субботу. А то и в пятницу!

Иными словами, времени совсем не осталось.

– Ох черт. Почему ты мне не сказала раньше?

– Не знаю... Ты не спрашивал, – растерялась она. – А что, мы опоздали, да? Теперь ничего не получится? Ты не сможешь меня отсюда вытащить, да? Да?!

Она опять расплакалась. Ей страшно, Роман понимал. Плохо быть девчонкой – тебя любой обидеть может с легкостью... Он снова вспомнил, как тот, кого он долго считал своим отцом, бил маму – беззащитную, хрупкую, – и у Романа непроизвольно сжались кулаки.

– Завтра, Мила. Завтра ночью я тебя вызволю из этой клетки! Не плачь, пожалуйста. Займись чем-нибудь, пока я сметаюсь в Москву за покупками... Собери все, что тебе нужно взять с собой, одежду там, паспорт.

– Хорошо... А ты бинокль не забудешь? Я хочу тебя увидеть, Ромка...

Она это произнесла *таким* голосом... Чуть охрипшим от слез, глубоким, бархатным – и голос этот проник в тело Романа, как смерч, убийственный и прекрасный. И каждый его орган завибрировал, отзываясь на поцелуй смерча.

Поездка в Москву отняла почти весь день. Роман не только раздобыл миниатюрный бинокль для Милы, но и купил отличную телескопическую лестницу. Ему она поможет перебраться через забор, а Миле – спуститься из окна. Другого пути из дома нет, Роман был уверен.

В деревню он вернулся лишь к вечеру. Распахнул окошко своей горенки, чтобы Мила поняла: он дома. И отправился на кухню перекусить.

Телефон его все молчал, и Роман начал беспокоиться. Время шло. Восемь, девять...

Она позвонила около десяти. И с первых слов стало понятно, что она страшно нервничает.

– Они заподозрили что-то... Я пошла на разведку, как мы договорились, но они...

Роман бросился к окну. Мила стояла меж распахнутых створок своего, как повелось.

– ...они насторожились. Я с ними обычно не общаюсь, они же враги, понимаешь? Но сегодня заговорила... Стала спрашивать, есть ли у нас собаки... Сказала, что прошлой ночью мне лай мешал спать... Ведь нормальный вопрос, правда? Но они почему-то уже дважды навещали ко мне в комнату...

Боже ты мой! Роман не подумал, что надо ее предупредить об осторожности! Казалось, это элементарно: раз ты в плену, то води себя осмотрительно. Играй роль – хоть дурочки, хоть истерички, – но убедительно! Только Мила...

Она наивная, неиспорченная девушка, которая не умеет прикидываться. А он, Роман, идиот. Как же он не сообразил дать ей инструкции?!

Он пустился наверстывать упущенное: не выдавай своего интереса, спрашивай словно между прочим, словно только сейчас мысль пришла в голову и ни с чем не связана; а еще лучше, просто наблюдай – осторожно и молча! Если охранники заподозрят тебя в намерении сбежать, то усилят бдительность, а нам это ни к чему!

– Да ладно, не волнуйся ты так, – улыбнулась Мила. – Я уже кучу всего разузнала. Присылай свой дрон, я тебе отчет прицеплю. А бинокль ты мне купил?

– Конечно. Сейчас отправлю. Отцепишь бинокль и прицепишь отчет. Но будь осторожна, прошу. А сейчас, пока вертолет не сядет на твой подоконник, стой у двери и слушай: не идет ли кто к тебе.

Мила отошла от окна, выполняя его распоряжение, а Роман, следуя удачно найденному методу, сначала завел собак в соседних дворах, затем вертолет и отправил его к Миле. Со своего крыльца он видел, как девушка бросилась к окну, отцепила бинокль, затем приклеила скотчем записку к брюху дрона, – после чего направил машину к себе.

– Стой тут, – произнес он в телефон, – пока я прочитаю. Возможно, мне понадобятся твои комментарии.

Он развернул свою записку с вопросами, к которым Мила приписала летящим почерком ответы, и углубился в чтение.

– А я тебя вижу! – вдруг весело произнесла она. – Слушай, Ром, а ты красивый парень! Приятный сюрприз, если честно!

– Не мешай мне, – строго произнес Роман, хотя внутри все растаяло от ее слов. – Я должен понять, нужна ли мне дополнительная информация.

– У тебя уже есть план? Ты уже что-то придумал, да?

– Помолчи.

Он попытался сосредоточиться на чтении.

– Роман... Я хочу спросить...

– Мила, ну подожди немножко, а? Дай мне прочитать.

– Лучше я тогда отсоединюсь, – с легкой обидой заявила она. – Ты такой важный, прямо сыщик! Позвони, когда закончишь.

Она вдруг резко обернулась – видимо, кто-то из охранников снова решил навестить ее, – затем быстро закрыла окно. Стекла вновь ослепили Романа красными брызгами уходящего солнца. Отчего-то на душе стало тревожно.

Скорее надо, скорее. И, главное, все хорошенько, тщательно продумать, чтобы побег не сорвался!

Роман читал и перечитывал записку Милы, размышляя.

Вопрос: «Кто еще живет в доме, кроме тебя?»

Ответ: «Никого. Если не считать охранников».

Вопрос: «Где сидят охранники?»

Мила приписала: «Внизу комната, если войти в дом, то дверь сразу справа, они держат ее открытой. Окон два: одно на ворота, другое на левую часть двора».

Вопрос: «Делают ли обход территории?»

Ответ: «Вряд ли, они все время в этой комнате, если не едят на кухне. К нам трижды в день приходит повариха, приносит еду. Во дворе я никого никогда не видела».

Вопрос: «Есть ли во дворе собаки (одна или несколько)?»

Ответ: «Не удалось узнать. Но лая не слышно».

Вопрос: «Камеры наблюдения имеются? Что они охватывают, какой у них обзор?»

Ответ: *«В комнате охраны шесть мониторов, работают только пять. Первый показывает площадку у ворот; второй – двор между воротами и главным входом в дом; третий – прихожую; четвертый, по-моему, задний двор, туда ведет другая дверь, но она всегда заперта. Пятый не успела рассмотреть, охранники меня заметили».*

Итак, они находятся в комнате справа от главного входа. Из двух окон имеется обзор центральной части двора, а также правой. Мила назвала ее левой, но это потому, что она смотрела на окна изнутри комнаты, от пульта с мониторами. А если посмотреть от ворот, то это правая часть, на восток. Комната Милы расположена как раз в левой части, окнами на запад – потому-то в них всегда отражается закат...

То есть из окна они не смогут увидеть побег, и это неплохая новость. А вот с камерами не так все просто. Четыре для Романа не опасны, а вот пятая и шестая наверняка направлены по обеим сторонам от дома: на запад и на восток. Шестая при этом не работает, а поле обзора пятой Мила не успела рассмотреть. Если она показывает западную часть двора, включая забор, отделяющий Романа от Милы, то придется принимать какие-то меры... Ладно, об этом он еще успеет подумать.

Собак там нет – Мила написала, что во дворе никого никогда не видела. А ведь собак надо кормить. Мила бы заметила, если бы повариха приносила собачью еду... Если только они не живут в будке. И если только будка не на другой стороне двора, на восточной, которую ни Миле, ни Роману не видно. Но все равно, собаки бы ночью бегали по двору – иначе зачем они нужны? Хотя нельзя быть уверенным до конца: Мила на ночь закрывает окно и ставни...

Придется проверить. И еще кое-что выяснить, чем он Милу не стал грузить: нет ли во дворе детекторов движения, не зажигаются ли прожекторы. С этим он легко справится сам.

Главное, что расчеты Романа подтвердились: через центральный вход бежать нельзя. Дверь в комнату охраны всегда открыта, а мониторы показывают и холл, и передний двор, и ворота.

Значит, план в силе – побег через окно.

Он перезвонил Миле через час, очень надеясь, что она одна. Солнце уже село, но долгий летний закат еще теплится, розовел на ее окне, на ее волосах, лице.

– Ромка! – выдохнула она.

Ему показалось, что в ее голосе звучит то сладостное нетерпение, которое горело внутри него самого: ожидание не только побега, но и их встречи.

– Мила... – выдохнул он. Но тут же спохватился: еще множество важных, срочных вещей нужно обсудить! – Вопросов по твоей записке у меня нет, ты отлично справилась... Скажи, к тебе снова заходил охранник, да? Ты окно закрыла.

– Не волнуйся, он просто заглянул ко мне и тут же ушел.

– Слушай меня внимательно. Ты должна вырубать телефон сразу после нашего разговора. На твой номер может прийти реклама, или номером кто-нибудь ошибется, мало ли, – причем в тот момент, когда ты не одна. Охранники не должны догадаться, что у тебя появился мобильник! Включай его только тогда, когда захочешь мне позвонить. Или когда я должен тебе позвонить, мы будем теперь договариваться о времени. Сечешь? Кроме того, отключи все звонки и другие звуковые оповещения. Смс сразу стирай, и полученные и отправленные. Поняла?

– Конечно, господин сыщик, – пропела Мила.

Роман слышал: она улыбалась.

– Ты разберешься, как это сделать?

– Обижаешь, господин начальник, – рассмеялась она.

– Ну, я же не знаю, как ты с техникой. Девушки не всегда...

– Я продвинутая.

- Отлично. И еще важный вопрос: они могут подслушивать под дверь, как ты думаешь?
- Я вообще-то пока на эту тему не думала, но очень увлекательно поразмыслить вместе с сыщиком! И вот что я скажу... Как это, *результат моих размышлений*...
- *Умозаключений*, – подсказал Роман, втягиваясь в игру.
- Результат моих умозаключений, – подхватила Мила, – таков: они не интересуются моими разговорами, поскольку не держат меня за сумасшедшую!
- То есть? – растерялся Роман.
- О телефоне они не знают. Значит, если решат подслушивать за дверью, то лишь потому, что подозревают меня в...
- Дошло, – рассмеялся Роман. – В том, что ты говоришь сама с собой!

Они хохотали, снова шутили и снова хохотали до колик... Пока Роман не спросил, неожиданно даже для себя самого:

- Мил... Так что ты думаешь делать после побега? Где решила спрятаться? Домой ведь тебе нельзя, ты сама говорила, спонсор знает твой адрес...

Она молчала.

Роман не стал ее торопить, усмирив нетерпение.

- По правде говоря... – начала Мила осторожно, – я собираюсь...

Она снова умолкла, и на этот раз Роман не выдержал.

- Собираешься – что?

– Честно говоря, я просто не знаю. У меня есть двоюродная сестра, но наши семьи давно не общаются...

- Ты планируешь побег и при этом не представляешь, куда податься?

- Вообще-то мой побег планируешь ты, – несколько сухо ответила Мила.

Это был тот поворот в разговоре, о котором Роман мечтал. Именно так: она скажет «не знаю» – а он ей предложит свою помощь. И тогда они не расстанутся!

– Верно, я. В таком случае ты не станешь возражать, если я запланирую и остальное? Твое пристанище, убежище? И как вообще тебя вытащить из всей этой белиберды, что с тобой приключилась?

Не то чтоб Роман имел четкий план, но рассудил примерно так: до утра они с Милой побудут в его квартире (лишние мысли долой!), – вряд ли охрана всполошится раньше. Затем он переговорит с отцом. Частный детектив с большим опытом, он обязательно придумает, как прижучить скотину-спонсора! А там...

Там видно будет.

– И что ты собираешься... Агас! – услышал он в трубке ее приглушенный голос. – Ко мне идут!

Роман вскинул бинокль. Он успел заметить, как девушка отправила мобильный себе в декольте, и порадовался, что додумался купить ей самый миниатюрный аппарат. Куда она дела свой бинокль, Роман не видел. Мила уже взялась за створки, когда за ее спиной показался мужчина. Охранник!

Роман быстро пригнулся – трехметровый забор скрыл его – и скользнул в дом, чтобы продолжить наблюдать за сценой из своей горницы. Но все, что ему удалось разглядеть, – это лишь руки охранника, закрывающие окно Милы...

Дождавшись темноты, Роман приступил к исследованию территории. Для начала бросил несколько камней во двор: если собаки там все-таки есть, они обязательно залают – ведь это *их* двор.

Но нет, тихо... Ладно, собаки тут не водятся. Теперь проверим, не сюда ли направлен объектив пятой камеры. Роман достал лестницу из машины, приставил к стене. Забрался на

нее и, возвышаясь над кирпичным забором, покрутил в воздухе руками, будто на разминке в спортзале.

Нет, ничего. Свет не вспыхнул, никто не нагрянул. Если бы пятая камера смотрела на западную часть двора, то непременно обозревала бы стену. И в этом случае здесь уже бы появилась охрана. Впрочем, они могли притаиться за углом, ожидая, пока он спустится, чтобы скрыть его на месте... Придется проверить и это.

Он присел на забор, собираясь с духом. Широкий, в два кирпича, он оказался вполне сносным сиденьем. Даже странно, что его верх не украсили битым стеклом или иным дизайнерским элементом во вкусе нуворишей – типа колючей проволоки.

Хорошо, что он решил перебраться через стену сегодня. Пробный бросок. Если что-то пойдет не так, то лучше, если это произойдет сейчас. Потому что завтра ночью он будет помогать перебираться через забор Миле. Нельзя ее подвести и самому опозориться!

Ну что ж, по-прежнему тихо. Теперь можно спуститься во двор.

Роман посмотрел вниз и только сейчас обратил внимание на то, что огромный участок, усыпанный гравием, совершенно пуст. Ни деревьев, ни клумб, ни хотя бы дорожек с беседками – ничего. Если не считать бурьяна, конечно... Странно. Да и дом теперь выглядел еще более необжитым. Грубая кладка из красного кирпича, никакой отделки, все окна закрыты ставнями. Бункер какой-то трехэтажный, а не дом...

Он повернулся, ухватил лестницу за края и стал осторожно поднимать ее. Она была довольно тяжелой, восемнадцать кг, но руки у Романа тренированные, справился он без напряжения. Положив лестницу плашмя на забор, он затем опустил ее с обратной стороны и через несколько секунд уже стоял на земле. Снова подождал, прислушиваясь... Никто не выскочил из-за угла хватать-вязать незваного гостя. Стало быть, обзора западной части на мониторе охранников нет! Хорошая новость.

И Роман двинулся к дому. На очереди – проверка наличия детекторов движения.

Свет не вспыхнул. Безмолвие, темнота. Мила сказала, что ее расспросы насторожили охранников, – но они, видать, совсем тупицы, поскольку охрану не усилили. Роман почувствовал даже легкий укол разочарования: душа жаждала приключений. Хотя, конечно, все только к лучшему: завтра он без труда вызволит Милу из темницы. Это и будет приключение! И с классным продолжением, надеялся он...

На всякий случай Роман решил посмотреть на дом со стороны главного входа. Бурьян хоть чему-то послужил: скрыл звук его шагов по крупному гравию, который чувствовала ступня через подошву кроссовок. Прокравшись к углу, Роман выглянул. Окно охранников неярко горело, остальные были так же закрыты ставнями, как с боковой стороны. Входная дверь заперта, снаружи никто не дежурит. Тем лучше!

Разведка удалась, информация собрана. Можно возвращаться.

Значит, так, думал он, засыпая, вещи нужно собрать заранее и положить в машину. Как только Мила окажется по эту сторону забора, надо сразу рвать в Москву. Утром охранники увидят раскрытое окно (ведь Мила снаружи не сможет его закрыть, лишь прикрыть створки) – и поймут, что пленница все же выбралась через него. Они удивятся: высоты там метров семь, а то и больше – не прыгнешь. Если они не совсем тупицы, то предположат, что Миле кто-то помог. И примутся наводить справки...

В деревне Романа, конечно, заметили – как же, новое лицо! – но никто не знает его фамилии. Им придется сначала искать хозяина избушки, Андрюху, а уж у него спрашивать, кому ключи дал... Надо предупредить Андрюху, чтоб ответил: понятия, мол, не имею, кто-то без разрешения забрался, замок там пальцем открыть можно...

Да, но Мила говорит, что это бандиты, – вдруг они Андрюху бить начнут? Придется с отцом посоветоваться, как беды избежать...

Он уже почти провалился в сон, когда его осенило: все проще! Пусть Мила простыню какую-нибудь привяжет к окну, – они подумают, что она сама спустилась!

Мысль отличная. Но тут есть еще одна каверза: они озадачатся вопросом, как же девушка со двора выбралась. Через стену просто так не перелезть, а через ворота Мила пройти не могла.

Тогда... Вот что надо сделать: найти пару ящиков, перекинуть их во двор, а затем приставить к стене с внутренней стороны, будто Мила с их помощью через забор перебралась! И, конечно же, приставить не к той стене, которая разделяет их участки, – незачем давать наводку охранникам, – а к другой, к задней. За ней как раз параллельная улица, и будет выглядеть очень логично, что беглянка выбралась на улицу, а не на соседний участок...

Он улыбнулся своей находчивости и заснул.

Побег (Ночь с четверга на пятницу)

Мила позвонила, как они условились, в районе полудня. Роман быстро рассказал ей идею с простыней – Мила восхитилась – и велел отключить телефон до шести вечера, когда состоится их следующий сеанс связи.

– Я буду скучать... – шепнула Мила и нажала на кнопку отбоя.

А уж он как будет!.. Роману казалось, что у него поднялась температура, но он знал – то другой жар полыхает внутри.

Некоторое время он сидел неподвижно, стараясь привести тело и голову в порядок. Затем вскочил и отправился на поиски ящиков.

К шести вечера он был полностью готов: ящики лежали у него во дворе, к каждому привязана длинная веревка: бросать их через стену Роман передумал: и шума много, и расколотся могут. Две сумки с его вещами уже стояли в багажнике нового «Вольво». Предыдущую машину – тоже «Вольво», это была его любимая марка, надежная, устойчивая и быстрая, – расстреляли бандиты, когда он помогал отцу в одном невероятном деле².

Оставалось ждать ночи.

Мила позвонила, как условились, в самом начале седьмого.

– Я сгораю от нетерпения, – произнесла она немного охрипшим голосом, и Романа снова охватил жар.

– Я тоже, – выдохнул он.

Несколько секунд они молчали, слушая дыхание друг друга. Роман очнулся первым:

– Мила.

– Да...

– У нас все получится. Все сегодня пройдет отлично. Я увезу тебя отсюда в надежное место, и там решим, как быть дальше.

– Да...

– В половине третьего ночи я переберусь к тебе во двор. Придется все делать медленно, чтобы не производить шума. Открой ставни и окно, ты меня увидишь. Если вдруг случится что-то непредвиденное, то быстро закрывай. Поняла?

– Да...

Она явно думала о другом. Роман тоже, просто он лучше владел собой.

– Сосредоточься!

– Я очень даже... – произнесла она с тихой усмешкой, от которой у Романа побежали мурашки. Сладкие такие мурашки, от которых вставали дыбом волоски на коже... и не только они.

– Я перенесу лестницу и приставлю к твоему окну. Ты не должна произносить ни слова. Слышишь, ни одного! Ты сядешь на подоконник, потом перевернешься на него животом, медленно опустишь ноги на верхнюю перекладину лестницы, держась за простыню. Ты ее приготовила?

– Конечно.

– Вот, она тебя заодно и подстрахует. Затем ты спустишься по лестнице на землю. Мы быстро перенесем ее к стене, ведущей в мой двор. Только помни, что нельзя произвести ни звука, ни шороха, поэтому придется делать все очень осторожно.

– Ты меня восхищаешь... Ты такой... Слов нет!

² См. роман Т. Гармаш-Роффе «Вторая путеводная звезда», издательство «Эксмо».

– Мила, сейчас нет времени обсуждать меня, – строго сказал Роман, хотя в душе все пело и цвело, под стать оторве-маю, полонившему города и веси. – Дальше ты поднимаешься и садишься на забор. Я поднимаюсь следом, переставляю лестницу на спуск ко мне. Ты спускаешься первой, я за тобой. Сумка тебе не мешает?

– Думаю, что если б у меня был чемодан, и то бы мне не помешал!

– Ладно, – Роман позволил себе улыбнуться. – Не забудь забрать телефон и бинокль. Вопросы есть?

– До встречи, Ромка-а-а! – прошептала она.

– До скорой... очень скорой. Телефон отключай. Надеюсь, он больше не понадобится.

Он услышал ее тихий смех, затем гудки отбоя.

Роман поужинал, затем прибрал за собой, чтоб перед Андрюхой не было стыдно. Попробовал поспать, но не получилось: предвкушение приключения волновало кровь. Да еще эти невыносимо томные запахи, которые источал вечер, – от них делалось сладко в груди... Скоро он увидит Милу... Возьмет ее за руку... и умчит далеко-далеко, где их никто не найдет... Где будут только они вдвоем...

Все-таки он задремал, сам не заметил как, – но это был легкий, прозрачный, полный неясных эротических видений сон, после которого он проснулся с приливом небывалых сил и энергии.

Стрелки часов уже подбирались к назначенному времени. Два тридцать – между поздним закатом и ранним восходом это была середина ночи, оттого Роман выбрал этот час. И выбором своим остался доволен: деревня крепко спала. Где-то он читал, что люди в селе ложатся, как только уходит солнце, – но здесь было не так. Во многих дворах шумели допоздна, многоголосие выдавало большие компании. То ли что отмечают, то ли просто тусуются. Тут немало дачников, снимают дома на лето. Они не сельские жители, у них другие привычки. И еще на другом конце улицы стоят два здоровенных уродца – такие же, как тот, в котором держат Милу, только оштукатуренные, чуток попригляднее. Из одного шум и музыка разносятся до самого утра. Но это им с Милой не мешает. Главное, чтобы свидетелей побега не оказалось... А те, что живут рядом, давно улеглись.

Лестница стояла у забора. Роман подхватил концы веревок, привязанных к ящикам, и вскарабкался на стену. Сел, потянул за веревки, поднял ящики и аккуратно спустил их во двор. Окно Милы раскрыто, как они договорились, но саму ее пока не видно. Вот-вот выглянет.

Роман отвязал ящики, перенес их к задней части забора, поставил один на другой. И тут его вдруг как током ударило: с этой стороны имеется работающая камера наблюдения! В которой он, без сомнения, засветился! Сейчас охранники выскочат и...

Надо уходить. От двоих вооруженных людей ему не отбиться, он только недавно начал заниматься дзюдо... Если его избыют или в полицию сдадут, то Миле он уже ничем не сумеет помочь!

Он побежал к лестнице.

Добежал. Взлетел на стену...

Однако вокруг царили тишина и покой. Никакой паники, никаких охранников. Кажется, пронесло. Видимо, мужики не столько в мониторы пялятся, сколько в телевизор...

Роман посмотрел на окошко. Милы все еще не было. Ладно, ему пока есть чем заняться.

Он забросил веревки обратно в свой двор, взял лестницу и тихо понес ее к окну. Приладил, проверил.

Но Милы все не было.

Поднявшись на несколько перекладин, он прислушался. Из ее комнаты не доносилось ни звука. Она заснула! Она спит, вот в чем дело! И как же теперь...

Стоя на перекладине, он набрал ее номер. Но звонка не услышал.

Правильно, он ведь сам велел выключить телефон!

Роман огляделся. Ночь была ясной, на чистом черном небе сияла полная луна со свитой звезд. Стояла тишина, только с дальнего конца улицы доносилось глухое гроыхание ударных, а саму мелодию не разобрать...

Он спустился, дошел до угла, выглянул.

Вроде бы все спокойно. Тот же неяркий свет из окна охранников, те же ставни повсюду. Не похоже, чтобы в доме царила паника или шли разборки. Иными словами, вряд ли Милу застукали за приготовлениями к побегу... И все же Роман решил послушать у двери, для пущей уверенности. Он осторожно прокрался до главного входа в дом, держась стены, чтобы на этот раз не попасть в поле зрения камеры. Приложил ухо. Ни звука не долетело до его слуха. Тем лучше!

Вернувшись, Роман быстро вскарабкался по лестнице и заглянул в окно Милы.

Внутри было темно, свет луны сюда не попадал, и Роман пожалел, что не взял с собой фонарик. Не планировался у него вариант, при котором фонарик мог бы понадобиться...

– Мила? – прошептал он. – Мила, где ты? Проснись!

Нет ответа.

Роман поднялся еще на три перекладины и перекинул ноги через подоконник. К трубе батареи под подоконником была привязана простыня: Мила все сделала, как договорились. Только где ж она сама?

– Мила! – чуть громче произнес он.

Тишина.

Он стоял у окна, пока глаза не привыкли к темноте и очертания предметов не стали вырисовываться из сплошной черноты. Комната оказалась большой – не чета горницам Андрюхиной бабушки. Напротив окна стояла мебельная «стенка», а в нее встроена широкая кровать, торцом к Роману.

– Мила, – Роман слез с подоконника и направился к постели, вглядываясь в горку одеяла, – Мил, проснись!

Неожиданно нога его поехала, и он, потеряв равновесие, полетел на пол, попутно ударившись лбом о деревянную спинку кровати.

– Ох-х-х, – тихо выдохнул он. Потрогал лоб: рассек до крови, вот черт!

Роман оперся руками в пол, чтобы встать, как вдруг пальцы его левой руки ощутили что-то мокрое. Невозможно было понять, что за жидкость пролилась здесь, но...

Но она оставила темные следы на его пальцах. Цвет рассмотреть невозможно – просто темные. Однако Роман отчего-то не сомневался, что это кровь.

Он вскочил на ноги, вытер руку о джинсы и бросился к постели. Откинул одеяло.

Кровать была пуста.

Он заглянул под нее – не видно ни зги! Поводил рукой по полу... Затем, как безумный, бросился к шкафам. Их было два, и в обоих створки оказались приоткрытыми... Роман принялся раздвигать одежду, проверяя черное нутро шифоньеров на ощупь, надеясь и страшась найти Милу за ней, может, еще живую... Что-то здесь случилось нехорошее, так что следует быть готовым ко всему. Может, Мила в шкафу спряталась от страха... или ее туда запихнули...

Странно, что здесь столько одежды. Спонсор ведь увез Милу из ресторана, и у нее должно быть всего одно платье... То самое, голубое, с открытыми плечами, в котором Роман видел ее каждый день.

Наверное, это не ее вещи. Хотя они пахли так тонко, так *мило*... Пропитались ее запахом за это время...

Его кисть вдруг чувствительно ударилась обо что-то металлическое. Он осторожно ощупал предмет, выпавший из задней стены шифоньера...

Дверца... Сейфа! На дом напали грабители? А где же охрана? И, главное, где Мила?!

Или гнида эта, спонсор, уже вернулся и... Мила сопротивлялась, он ее ударил... Или позвал охрану, поручил им грязное дело... А теперь ее увезли?!

Живую? Или мертвую???

Боже.

Роман вернулся к тому месту, где поскользнулся, наклонился. Лужица небольшая, насколько возможно рассмотреть в темноте, – как если бы кто-то пролил чашку чая... Смартфон! – вдруг вспомнил он. Не фонарик, конечно, но какое-то количество света даст.

Экранчик вспыхнул, и его голубоватый свет позволил увидеть: да, темное оказалось красным. И да, лужица невелика...

С другой стороны, он упал, кажется, прямо в нее. Роман потрогал джинсы сзади – так и есть, мокрые. Стало быть, часть крови впитала ткань... Но все равно, такая кровопотеря не опасна для жизни!

Роман понимал, что умереть можно еще от сотни разных повреждений, но его почему-то утешала мысль, что Мила потеряла не много крови. Это давало надежду.

Надо уходить отсюда – он провел здесь почти полчаса, наследил повсюду и сам в крови, – а ведь в любой момент тут может появиться полиция (если ее кто-то вызвал, конечно) или охрана!..

Однако потребность понять, что тут произошло, была сильнее.

Роман огляделся. В комнате имелись две двери. Он подошел к одной, прислушался. Затем медленно нажал на ручку...

Это оказалась ванная комната. В ней имелось окно, и он смог рассмотреть помещение. Огромное, с большой круглой ванной, душевой кабиной, унитазом, биде и раковиной, встроенной в мебель. Но Милы в нем не оказалось. Следов крови тоже...

Вернувшись ко второй двери, Роман снова прислушался. И за этой тихо... Он выскользнул в коридор. На этаже было немного светлее: в маленькое полукруглое окошко над лестницей вливался белесый лунный свет. Здесь оказалось еще несколько комнат, но Роман решил не тратить на них время и спустился на второй этаж.

Та же тишина, те же безмолвные двери необитаемых комнат.

Как можно тише он прошел еще полпролета вниз и перегнулся через перила.

В холле – все лестницы в мире ведут в холл, не так ли? – горел неяркий свет, что называется дежурный. Наверное, он горит тут всегда, просто его снаружи не видно.

Но раз в холле свет – значит, в доме кто-то есть. Либо Милу отсюда не увезли, либо с ней уехали не все...

Роман раздумывал. Идти вниз опасно. Даже если здесь остался лишь один охранник, он наверняка вооружен. Он может выстрелить в Романа, приняв его за вора. Только если подкрасться и свалить его точным ударом... А вдруг он не один? Роман начинающий дзюдоист, с двумя вооруженными людьми вряд ли сумеет справиться...

Но, возможно, Мила там, у охранников? Они ее, по приказу спонсора, избили, но она еще здесь, беспомощная, раненая, связанная! Надо хотя бы заглянуть, разведать обстановку. Тогда уж и думать, как действовать.

Роман спустился вниз еще на несколько ступенек. Так, дверь в комнату с мониторами открыта. Теперь стало слышно: оттуда доносится бурчание телевизора.

Еще несколько ступеней. Осталось пересечь холл по диагонали и заглянуть в комнату...

Стоп. Мила сказала, что одна из камер смотрит в прихожую. То есть сюда, в этот холл, который и есть прихожая, поскольку именно здесь находится главный вход...

Самым умным решением было бы уходить отсюда, срочно уходить тем путем, которым пришел. Когда у тебя отец – частный детектив, то ты знаешь много чего такого, о чем не задум-

мываются обычные люди. Например, тебя, ни в чем не повинного, могут обвинить в преступлении лишь потому, что ты случайно оказался на месте одного преступления...

Разум приказывал возвращаться немедленно. Ты не только засветишься на камере, говорил разум, но и Миле ничем не поможешь (если она вообще тут) – ты не справишься с вооруженными людьми! Но Роман знал: если он повернет назад, то никогда не простит себе этого. И дело не только в Миле. А еще в том, что он будет чувствовать себя трусом. Трудно представить что-либо более унижительное для мужчины.

К тому же не исключено, что последние ступени, где стоял Роман, входят в обзор камеры, – и тогда он *уже* засветился. Впрочем, это было бы глупо. Угол обзора должен быть таков, чтобы четко видеть вход в дом, а вовсе не внутреннюю лестницу...

Не сходя с места, Роман внимательно осмотрел всю видную ему часть холла. Дверь охранников по левой стене, а между стеной и левыми перилами есть зазор шириной около метра. Никчемный зазор, плод безграмотного архитектора. Если туда спрыгнуть, можно подкрасться к двери незамеченным. И камера его, скорее всего, тоже не засечет...

Роман тихо перемахнул через перила в закуток. Затем «волчьим шагом», которому научил его отец, – это когда ставишь ступню целиком, а не с пятки на носок, как обычно, что позволяет передвигаться бесшумно, – продвинулся до освещенной двери. Осторожно заглянул в проем...

Сначала он увидел темные, погасшие мониторы. Зря, выходит, он старался-крался: камеры выключены.

Роману стало не по себе. Мертвые мониторы... Он резко шагнул вперед и посмотрел в глубь комнаты.

Мерцал телевизор, шел какой-то фильм, а охранники... Они спали, развалившись на креслах, сомнений нет: один храпел, второй сопел.

Но Милы и здесь не оказалось. Ни живой, ни мертвой.

Внизу находились еще какие-то помещения. Одно из них – кухня, что видно в открытую дверь. Другие закрыты. Но там искать Милу бесполезно: раз ее нет с охранниками, значит, ее нет в доме. Она или сбежала сама, или ее увезли. Живую или мертвую.

Он не помнил, как проделал обратный путь. Только очутившись в своем дворе, он перевел дух. Сложил телескопическую лестницу, засунул ее в машину. Кинулся в дом, зажег свет: все ли сделал? Ничего ли не забыл?

И вдруг он увидел свои руки. Кровь. Милы.

Джинсы он содрал с себя вместе с трусами. Сложил в мусорный мешок. Обмылся, как мог, из рукомойника, в первый раз пожалев, что в избушке нет душа, – до сих пор он не видел проблемы в том, чтобы мыться холодной водой из шланга. Чистая одежда, вспомнил он, в сумке. А та – в багажнике. Как был голым, Роман пошел к своему «Вольво», достал чистые вещи. Оделся.

Вернулся в дом, осмотрелся. Что еще надо сделать?

Он плохо соображал. Постояв с минуту, взял в руки мешок со своей окровавленной одеждой, погасил свет и вышел.

Он гнал в Москву по пустым дорогам, пытаясь осмыслить ситуацию, прийти к какому-нибудь заключению, но ничего не складывалось. У него не нашлось ни одной гипотезы, способной объяснить увиденное. Мила ранена? Ее отвезли в больницу? Или спрятали? Или она убита?

Нет, нет. Только не это. Мила жива, не надо думать о плохом.

Он набрал ее номер, заранее зная, что она не ответит...

Стоп, не думать о плохом!

Нужно звонить отцу. Он профессиональный детектив, он сумеет разобраться – и не такие дела распутывал. Но сначала вызвать полицию. Там кровь – значит, Мила ранена, и ей нужна помощь. Охранники дрыхнут, то есть полиции о происшествии никто не сообщил. Так пусть она приедет, пусть осмотрит дом, – пусть поскорее начнут искать Милу!

Он достал смартфон, хотел было набрать «02», – как вдруг замер. Нет, нельзя им звонить со своего мобильного. Он, конечно, не собирается представляться, но там в два счета установят, кому номер принадлежит. И это станет прямым признанием в том, что Роман побывал в доме Милы – иначе б откуда он знал об ее исчезновении, о крови на полу?! Он и так в ее комнате наверняка наследил обувь, повсюду оставил свои отпечатки и бог знает что еще...

Впрочем, все эти следы могут свидетельствовать против него только тогда, когда полиции будет с чем сравнивать. Когда они возьмут *его* отпечатки и сверят следы *его* обуви. Для этого им понадобится сначала задержать Романа – но на каком основании? В доме его никто не видел. Теоретически, поскольку особняк высокий – торчит над деревней, как последний зуб во рту старика, – с соседних участков можно было углядеть, как Роман лез в окно на третьем этаже... Так ведь он не случайно выбрал середину ночи, когда все спят!

Если только какой-нибудь житель не страдает бессонницей, конечно... Роман ни в коем случае не считал, что совершает преступление, помогая сбежать Миле, – наоборот, преступником является тот, кто насильно держит ее в своем доме! Поэтому он больше заботился о том, чтобы ничего не заподозрили охранники, а соседи его не слишком занимали...

Однако теперь он попал в эпицентр непонятного, но несомненного преступления. И сейчас показания соседей сработают против Романа. Они могли видеть, на самом деле, не так уж мало: как Мила общалась с Романом при помощи листов бумаги, как к ней дрон летал...

Полиция – а ее охранники обязательно вызовут, когда проснутся, – начнет расспрашивать соседей. Сами охранники ни за что правды не скажут, хозяина своего не выдадут и будут искать, на кого свалить случившееся. Им очень повезет, если найдется хоть один свидетель, видевший Милу в момент ее общения с Романом... Который к тому же сбежал в ночь преступления!

Конечно, пока полиция его не найдет, им не с чем будет сравнить «пальчики», и доказать они ничего не смогут...

О че-е-ерт! В доме Андрюхиной бабушки он ведь тоже оставил отпечатки! Просто подарок полиции! Стоит им только додуматься сравнить их с теми, что они найдут в комнате Милы, – и все, конец. О том, кто тут жил, полиция узнает от Андрюхи... Просить друга наврать? Бесполезно. Андрюха не из тех, кто врет не краснея, и его быстро расколют. Не следует друга подставлять.

Придется поворачивать.

...Конечно, как только они узнают, кому Андрей дал ключи от бабушкиного дома, адрес Романа установят быстро. Да только ничего по нему не найдут. В этой комнате в коммунальной квартире, куда им пришлось переселиться с мамой после скандала с «отцом», он не жил уже много лет, а со смертью мамы и вовсе перестал там бывать. К тому же после похорон Роман нанял женщину, которая тщательно вымыла комнату (врач «Скорой», констатировавший смерть, подозревал гепатит и посоветовал все промыть с хлоркой)...

Роман давно снимает жилье по другому адресу, но прописан по-прежнему в коммуналке, так что полиции его отпечатками не разжиться.

Он проделал обратный путь, машину поставил далеко, у въезда на улицу, к дому пробрался пешком, держась теневой стороны: луна, хоть и побледнела, все еще давала достаточно света, чтоб увидеть человека на дороге. К тому же на востоке край неба уже начал светлеть...

Мельком порадовавшись, что починил ступеньки крылечка, – больше не скрипят, – Роман тихо отпер дом и принялся вытирать все подряд: ручки дверей и окон, стол, посуду – все, до чего он мог дотронуться за прошедшие дни.

И только вернувшись в свой «Вольво», Роман понял, что совершил новую глупость: не найдя отпечатков в доме, полиция поймет, что они стерты, – и станет подозревать Романа еще больше!

Боже ж ты мой, как бездарно он вляпался.

Роман сидел в машине, не трогаясь с места. Может, вернуться обратно в дом Андрюхи? Ведь ночное исчезновение соседа Милы плюс стертые отпечатки будут выглядеть как признание вины... Ага, а там сидеть и ждать, пока полиция найдет предлог, чтобы снять его «пальчики»? А предлог найдется легко, если хоть один сосед что-то заметил. Скажут, что нужны показания Романа, отвезут в участок... И отправится он после этого напрямиком в камеру, ждать суда.

Ну уж нет! Такого подарка полиции он не сделает. Пусть ищут настоящего преступника. А Роман пока будет искать Милу!

Хотя... Минуточку, а почему он решил, что полицию кто-то вызовет? Если охранники сами напортачили – то не вызовут. Если их хозяин – тем более.

...И так плохо, и этак худо. Приедет полиция – хорошо в том смысле, что они сразу начнут искать Милу. Но тогда Роман окажется на подозрении. Не вызовут полицию – для Романа лучше, но для Милы куда хуже... Может, все-таки позвонить по «02»? Из телефона-автомата, чтобы не светить свой мобильный?

Однако сейф... Он наводил на мысль, что в дом забрался вор. Ведь хозяин – неважно, положил он в сейф что-то или из него взял, – дверцу бы закрыл. И охранники, если бы покусились на содержимое сейфа, непременно бы дверцу закрыли. Бросить ее открытой мог только чужой: ему пофиг, он сразу сбежал. А охрана дрыхла, вора не видела. Ночные смены утомительны, потому что днем отоспаться никогда не получается, Роман по себе знал. Все спят в ночные смены, когда есть возможность. К тому же охры пили, в их комнате полно бутылок из-под водки и пива... Так что дрыхли они крепко. А камеры, наверное, вор и выключил... И записи выкрал: на них должно быть видно, как он в дом пробирался.

Тут, правда, возникал вопрос: как вор мог знать, что охрана спит? И даже если знал (в бинокль через окно подсматривал, допустим... с чего-то высокого, с дерева или лестницы...), то как прошел через ворота, как открыл входную дверь?

Непонятно. Или это был кто-то из своих, у кого имелись ключи?

Но сейф!

Нет, никто не мог его оставить открытым, никто из «домашних». Только чужой. Он откуда-то знал о сейфе и поднялся в комнату, не представляя, что там временно обитает девушка: ведь Мила была в плену, на улицу не выходила, – вот вор и не имел понятия. Он на нее напал, ранил, выкрал какие-то ценности из сейфа и сбежал. А Мила...

Куда же делась Мила в таком случае?

Роман прикрыл глаза, пытаясь представить сцену. Вору девушка ни с какой стороны не нужна. Он убежал. Она пришла в себя. Удивилась, что охранники к ней не прибежали... Спустилась вниз... И увидела, что они спят! И тогда... Что она сделала?

Воспользовалась моментом и сбежала из плена? Но куда же направилась? В больницу?

Это было бы разумно, если бы не два «но». Во-первых, она не могла уйти пешком, без машины. И во-вторых, почему она не пришла к нему, к Роману, за помощью?! Ведь она знает, что он готов ей помочь!

Только если... Если она получила удар в голову... ее сознание спуталось... И она пошла по дороге... А потом поймала попутку и попросила довезти ее до ближайшей больницы!

...Кажется, это первый проблеск логики в его беспорядочных мыслях, порадовался Роман.

Он вышел из машины, открыл багажник, достал свой планшетник: найти ближайшие больницы – дело плевое.

И тут же положил его обратно в сумку: он ведь фамилии Милы не знает, – как искать ее по больницам?

А вдруг она решила уехать к себе домой, в Вологду, и попросила шофера отвезти ее на вокзал?! Роман не сможет ее найти, у него нет для этого никаких средств...

Он сделал новую попытку дозвониться до девушки. Результат прежний: ее телефон отключен или вне доступа.

Нужно с отцом посоветоваться, помощи попросить. Неловко, конечно, будить его среди ночи, но дело не терпит отлагательства. Мила ранена, надо ее срочно найти, надо ее спасти!

Мобильный *Киса* – так папу звали друзья, от фамилии Кисанов, и Роман нередко называл его мысленно так же – оказался отключен. Звонить по домашнему бесполезно: Александра, папина жена, отключала телефон на ночь, чтоб он не разбудил невзначай детей. Собственно, вспомнил Роман, папа по этой же причине выключает сотовый...

Как ни странно, Роман испытал некоторое облегчение: он так позорно лажанулся, что даже стыдно отцу признаться. К тому же он, выходит, снова оказался на подозрении, как несколько лет назад... Папа, конечно, не поверит в его виновность, – но придется ему опять расхлебывать глупейшие промашки сына...

Роман почувствовал, как его щеки загорелись румянцем, – будь он проклят, румянец этот.

Он забрался в свой «Вольво» и направился в Москву.

...Значит, придется самому справляться. Он хорошо поработал мозгами, сделал уйму правильных выводов и был горд собой. Он редко участвовал в расследованиях отца – помогал несколько раз, но по конкретным заданиям. А размышлял над делами Кис. Ну еще Игорь ему помогал, ассистент. Он уже несколько лет работает с папой, натренировался. А Роману всё еще в новинку, все эти выводы-доводы. И он считал, что неплохо получилось, он разобрался более-менее в ситуации. Пусть опыта у него нет, но гены-то есть!

Теперь нужно вести себя крайне осторожно. Охранники, как проспят, увидят, что сейф взломан, а Мила исчезла, только кровь на полу. И они, конечно же, вызовут полицию.

А ему следует принять меры, чтобы не попасться полиции в когтистые лапы, только и всего.

И он уже знает, как это сделать. Гены-с, господа.

Пакет со своей окровавленной одеждой Роман выбросил в какой-то мусорный бак по дороге. Дома наскоро принял душ, прихватил с собой немного еды и пиво и снова уехал. На этот раз он держал путь к себе на работу, в автосервис.

Ночь, хоть утренняя заря уже высветлила небо, еще длилась. А ночью люди обычно спят. Включая тех, кто на работе, если нет срочных дел...

Так оно и вышло. Роман прокрался в мастерскую – он отлично знал все ходы-выходы. Заглянул через внутреннее окошко в «бытовку», комнату, где ели и отдыхали мастера: точно, кто-то из коллег-работяг спит на диване. По затылку он не узнал, кто именно, да какая разница. Главное, что человек спит. И Романа не видит.

Он взял кое-какие инструменты из своего шкафчика и ушел, как пришел, незамеченным. Припарковал «Вольво» (где, разумеется, куча его отпечатков) в каком-то дворе, подальше от

дома, подальше от греха. Забрав рюкзак из машины, он отправился пешком на поиски нового транспортного средства. С помощью хитрого ключа с чипом – того самого, что он прихватил на работе, – вскрыл первую же попавшуюся иномарку. В автосервис часто обращаются клиенты, потерявшие ключи от машины, и Роман обзавелся этим «хитрым ключом», способным отпереть почти любую современную тачку с электроникой. Затем он подключил маленький электронный аппарат к разъему для диагностики, быстро нашел код, позволявший завести машину, – спасибо вам, новые технологии, очень облегчаете задачу взломщиков!

На этой машине он уехал из Москвы, бросил ее недалеко от заправки, прошел пешком два километра до большого торгового центра – утро наступило, магазины открылись, и первые покупатели уже прикатили на стоянки.

Здесь он вскрыл другую машину и на ней уехал подальше.

Отец нередко говорил: не существует логики без фактов. Информация – это материал, с которым работает логика. Как продукты, из которых можно приготовить разные блюда. Но если нет продуктов – не будет и блюд, пусть даже повар сто раз гений своего дела. Поэтому Роман отлично понимал: эти смены машин вполне могли бы послужить фактами, из которых полиция легко сделает вывод, куда подался Роман. Но не послужат! Факты просто-напросто не дойдут до тех, кто ищет его. Для дорожной полиции все будет выглядеть лишь как временный угон, какой-то подросток развлекается, не более. И эта информация никогда не попадет на стол к тем, кто ищет Ромку. Так что не будет у них кусочков мяса, из которых можно приготовить шашлычок, нанизав факты на шампур логики. И опасаться ему, меняя машины, нечего. О перчатках он позаботился – за эту ночь он так много думал об отпечатках, что мысль, кажется, выгравировалась в его мозгу навсегда. Теперь никто его не найдет!

Только если... Ох да. Телефон надо выключить. По нему как раз найдут.

Перед тем как вырубить мобильный, Роман сделал еще одну попытку дозвониться до Милы.

Такую же безрезультатную, как предыдущие.

Завидев просеку в лесу, он свернул на нее и запрятался в глухой поросли. Теперь можно и поразмыслить о дальнейших ходах.

Он открыл бутылку пива, закинул ноги на приборную доску и сосредоточился. Надо понять, как найти Милу. Нужно постараться рассуждать логично, как папа.

Итак, Милу кто-то ранил. Теоретически, кровь могла принадлежать не ей, а кому-то другому. Тому, кто приперся в ее комнату и напал на нее...

Нет, ерунда. Не справилась бы девчонка с воров. Она хрупкая, нежная, да и в комнате бы тогда валялся какой-то предмет, которым она его огрела: Миле-то незачем скрывать следы, она же не преступница. Однако в комнате ничего похожего на оный предмет не было!

Ее это кровь. Как ни прискорбно...

Итак, кто-то напал на Милу. Несколько часов назад, на выезде из деревни, Роман пришел к заключению, что это был вор. Потому что сейф остался открытым.

Но теперь эта версия не казалась ему единственной. Могло быть иначе: спонсор вернулся, чтобы забрать Милу и заодно то, что лежало в сейфе. Мила сопротивлялась, он ее ударил. А потом кровь... Он запаниковал и сам забыл закрыть дверцу сейфа.

Могло быть еще вот как: сейф всегда был пуст и всегда открыт. Никто ничего из него не брал, и никакого отношения к произошедшему он не имеет. А на Милу напали охранники. Застукали ее за приготовлениями к побегу – и напали...

Поразительно, сколько различных объяснений может быть у одной и той же сцены. Какое же из них правильное? Что вытекает из каждой версии? Как понять, где сейчас Мила? Убежала? Ее насильно увезли? Жива ли?!

Ни проблеска ответа.

Роману показалось, что мозг его вскипает. Сейчас он жалел, что никогда не проявлял особого интереса к работе отца-детектива. У него наверняка имеются какие-то секреты, помогающие справиться с подобной умственной глыбой... Штангу – и ту поднимать проще, честное слово.

Надо звонить папе. Да, стыдно признаваться, как Роман бездарно вляпался, но без помощи Киса никак. Охранники уже проснулись и, надо полагать, полицию вызвали. И уже есть какая-то важная информация по делу. Отец сможет ее получить через своих друзей с Петровки. Даже если делом занимается какое-то местное РУВД, всемогущая Петровка все разужает.

Роман достал свой смартфон...

Ох ты ж ежик, ведь он его отключил, чтобы полиция не смогла за ним следить!

Рискнуть и сделать короткий звонок?

В воображении моментально возникли кадры из разных фильмов: на мониторе номер телефона, введенный в компьютерную программу, и та, как сторожевой пес, только и ждет момента, когда намеченная жертва шевельнется... То были американские фильмы, наверное, наша полиция не так круто оборудована, но рисковать Роману совсем не хотелось.

Итак, со своего мобильного звонить нельзя. Но телефоны-автоматы изрядно поредели на улицах, замаешься их искать. Так что придется добыть новую симку.

Неожиданно ударила мысль: вдруг Мила пытается ему дозвониться, чтобы попросить помощи! А он свой мобильный отключил. Правильно, разумеется, сделал... Только как же узнать, звонила ли Мила?!

Ему нужен Интернет. Срочно!

В машине имеется навигатор, который мог бы помочь ему найти ближайшие точки доступа в Интернет, – да только им тоже пользоваться нельзя: по нему угнанную тачку в два счета найдут. Если, конечно, они в полиции такие же умные, как Роман... Но на всякий случай стоит считать противника умным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.